

УДК 81'37
ББК 81.03

ТОПОНИМИЯ СИНЬЦЗЯНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОЙРАТОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Э. У. Омакаева

В современных этногенетических исследованиях важную роль играют такие лингвистические источники, как онимы (имена собственные, далее — ИС), причем это не только этнонимы, то есть наименования этносов и субэтносов, племен и родов, но и географические названия, являющиеся объектами изучения особой отрасли ономастики — топонимики.

В ходе лингводемографической экспедиции в СУАР КНР летом 2012 г. объектом наших полевых исследований явились говоры ойратов, населяющих данный регион Китая. Наряду с диалектологическим материалом, нами был зафиксирован также определенный корпус ойратской топонимии, который и послужил источниковой базой для данной статьи.

Среди жителей населенных пунктов, входивших в маршрут экспедиции, нашими информантами были как пожилые люди, старожилы местности, так и молодежь, продемонстрировавшая неплохое знание местных географических названий. Большую помощь в сборе и оценке собранного топонимического материала оказали наши коллеги — синьцзянские ученые Б. Менкя и Г. Лиджи.

Сбор топонимов, составляющих важнейший раздел ономической лексики любого языка, осуществлялся нами по трем основным типам: ойконимы, гидронимы и оронимы — названия населенных пунктов, водных объектов и форм рельефа соответственно.

В работе ойратские топонимы даны в форме, установленной в соответствии с правилами передачи монгольских географических названий на русский язык. В отдельных случаях в скобках представлены различные варианты названий, зафиксированные в письменных источниках или на картах.

Выбор ойратоязычных топонимов СУАР КНР в качестве объекта исследования не случаен. Жизнь человека на всем ее протяжении самым непосредственным образом связана с различными местами (где он родился, вырос, учился, работал и т. д.). Топонимы — это как бы визитная карточка того или иного региона, документальные свидетельства разных исторических эпох, память, запечатленная в слове. Вспомним афоризм Платона: «Кто познал бы имена вещей, тот познает и вещи».

Как пишет Э. М. Мурзаев, «в географической номенклатуре тюрко-монгольских стран нередко такие собственные названия, этимологии которых кажутся простыми, но не оправдываются географическими реалиями. Это вызывает сомнение в достоверности формальных переводов и требует ревизии. Нужны поиски удовлетворительных решений...» [Мурзаев 1969: 101].

Выбор темы обусловлен и авторским интересом к проблеме топонимической картины мира, и тем фактом, что топонимы занимают ключевое место в системе имен собственного языка ойратов Синьцзяна в силу их особой этнокультурной релевантности, широты исторических и иных ассоциаций. К тому же, как было справедливо замечено, «ономастический материал составляет значительную часть лексики любого высоко развитого языка и заслуживает того, чтобы его изучали» [Бондалетов 1983: 211].

Семантические особенности ИС определяются их функцией: основной номинативной функцией онимов является идентификация. Функциональная ономастика — это целая область исследований, в которых отражается весь спектр современных представлений об ИС. В основе функционального анализа лексических единиц лежит положение об особой значимости прагматического компонента в структуре слова

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-18021е «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР»).

как языкового знака. Прагматический слой лексического значения слова «содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения, а также специфическую для данной лексемы информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществлять с ее помощью» [Кобозева 2000: 87].

Основной целью работы является введение в научный оборот и определение принципов этнолингвистического анализа выявленных нами ойратских топонимов Синьцзяна, предполагающего комплексное исследование типов и специфики номинации географических названий региона с учетом системы пространственной ориентации этноса, традиционного восприятия пространства и мотивационного контекста (объяснения топонимов информантами) с целью извлечения из топонимического материала важной этнокультурной информации, в том числе сакрального характера, и выявления еще не до конца раскрытого потенциала ойратской топонимии.

Следует отметить, что в последнее время все чаще поднимается вопрос о топонимии как части культурного наследия страны и необходимости сохранения топонимического наследия. Яркое тому подтверждение — X Конференция ООН по стандартизации географических названий, состоявшаяся с 31 июля по 10 августа 2012 г. в Нью-Йорке, на которой девятым пунктом повестки дня был поставлен вопрос о географических названиях как отражении культуры, наследия и самобытности (включая названия на языках коренных народов, меньшинств и региональных языках). В числе 289 участников форума были представители Китая и России. Представитель Китая внес на рассмотрение документ о мерах, принятых китайским правительством для охраны географических названий как культурного наследия. Результатом обсуждения стала резолюция о критериях установления и оценки характера географических названий как культурного наследия, в числе которых указываются «жизнестойкость названия (способность переступить пределы истории); редкость названия или топонимического явления, на которое указывает название; «показательность» названия или его способность четко олицетворять культурную, географическую, историческую, социальную или иную реальность, специфичную для конкретного

места, которая является существенным компонентом местной, региональной или национальной самобытности; привлекательность названия, которая соответствует чувству принадлежности, связанному с названием или местом, которое оно обозначает; образность названия или его способность вдохновлять идеи или могучие, богатые образы у тех, кто его использует, причем эти образы или идеи необязательно должны относиться к истории или малозначительным местным фактам» [Десятая 2012: 28].

Таким образом, интерес к этнолингвистическому изучению топонимии налицо. Наиболее успешный опыт на материале русских топонимов представлен, на наш взгляд, монографией Е. Л. Березович [2007].

Топонимические исследования никогда не были чисто «кабинетными», они всегда основываются на полевых материалах. О топонимии интересующего нас региона имеется немало сведений в различного рода литературе, начиная с путевых заметок этнографического и географического характера посетивших эти территории в XVIII–XIX вв. путешественников, и заканчивая современными научными трудами, художественными произведениями и материалами СМИ.

Исследование современной топонимии Синьцзяна тесно связано с историей освоения этого края и сопредельных территорий. Как отмечает А. А. Бурыкин, «научное изучение происхождения географических названий невозможно без изучения истории появления этих названий в документах и географических картах» [Бурыкин 2006: 4].

Важным картографическим источником по ойратской топонимии Синьцзяна остается так называемая карта Рената [Моисеев 1999; Волобуев 1993 и др.], на которую нанесены географические объекты Джунгарии и сопредельных территорий, но особенно четко представлена западная часть Джунгарии, т. е. Илийская долина и западный Тянь-Шань. И это не случайно. Семнадцать лет шведский военнопленный провел в плену у джунгаров на берегу Или.

Судьба карты Рената очень любопытна. Считается, что Ренат многому научил ойратов: плавить железную руду, отливать пушки и заниматься книгопечатанием. В благодарность он получил от ойратского князя Галдан-Цэрэна карту его владений, которую увез с собою в Швецию после освобождения из плена в 1733 г.

Известный монголист В. Л. Котвич, работая в русских архивах, обнаружил интересные сведения, касающиеся пребывания Рената в Джунгарии и его обратного путешествия в Россию. Об этом он сообщает известному шведскому географу С. Гедину в письме от 8 февраля 1925 г., ныне хранящемся в Государственном архиве Швеции и опубликованном в 1997 г. на русском языке Н. А. Андреевым: «Я также натолкнулся на подлинник письма, написанного Царице калмыцким ханом, Галдан Церингом, в котором он просит ее позволить Ренату вернуться в Швецию через Россию. Поскольку я владею калмыцким языком, я скопировал это послание для себя» [Андреев 1997: 59].

Автор книги «Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг.», известный географ В. Греков предполагает, что, будучи проездом в Петербурге в 1734 г., Ренат мог познакомить с этой картой русских ученых-востоковедов. Видимо, тогда и была проделана Василием Бакуниным работа по латинской транскрипции калмыцких названий. К сожалению, впоследствии карта Рената была утеряна. Только в 1879 г. после упорных поисков в Королевской библиотеке в Линчепинге удалось обнаружить ее шведскую копию, выполненную в 1738 г. Густавом Бенцельштерном. Нашел ее будущий писатель и общественный деятель Швеции Август Стриндберг, а тогда еще неизвестный никому помощник библиотекаря Стокгольмской королевской библиотеки, который при активном посредничестве акад. Я. К. Грота передал эту копию в РГО для издания. В результате в 1882 г. карта Рената была опубликована с комментариями генерала А. И. Макшеева [1886], а Стриндберг был награжден малой серебряной медалью РГО, что красноречиво свидетельствует о ценности находки.

Как известно, в 1890 г. в Упсале был обнаружен оригинал карты на монгольском языке, с которой, как считал В. В. Бартольд, шведский картограф сделал копию [Бартольд 1963: 527].

На основе тщательного изучения ойратских чертежей Рената английский историк Джон Фредерик Баддели в разделе о картах Рената своей фундаментальной монографии «Россия, Монголия, Китай», опубликованной в Лондоне в 1919 г., пришел к выводу, что карта была сделана по распоряжению ойратского правителя в самой Джунгарии [Baddeley 1919]. Позднее Н. Поппе выска-

зал противоположное мнение, считав, что эта карта «была скопирована калмыком с китайского оригинала» [Porre 1956: 157].

По мнению российских исследователей, «несмотря на схематизм изображения, карта настолько точно передает контуры крупных озер, направление течения рек и взаиморасположения притоков, что гидросеть во многих случаях удастся отождествить географически, без прочтения подписей. Это позволяет считать, что карта Джунгарии, вывезенная Ренатом, – не рисованный чертеж, а именно географическая карта, составленная топографом по результатам проведенных на местности астрономических наблюдений» [Контев, Бородаев 2011: 11]. Современные исследователи считают, что ойратская карта Джунгарии представляет собой редчайший образец монгольской картографии первой трети XVIII века и требует дальнейшего изучения.

В XIX в. изучение территории современного Синьцзяна продолжается. На смену фрагментарному описанию географии Азии приходят обобщающие классические труды по ландшафту и орографии немецких ученых А. Гумбольдта, К. Риттера, послужившие стимулом для дальнейших исследований географических названий региона.

Капитан Унковский в 1823 г. составил карту Джунгарии по расспросам, а в 1832 г. Угрюмов уже смог составить карту этого же региона на основе личных наблюдений.

В конце XIX — начале XX века (1870–1920-е гг.) в Центральную Азию Императорским Русским географическим обществом было снаряжено более чем 20 научных экспедиций, главным результатом которых стало создание новой, научно достоверной карты изучаемого региона.

Одной из первых таких экспедиций была Вторая Центральноазиатская экспедиция Н. М. Пржевальского (август 1876 — март 1877), известная как Лобнорская, в маршрут которой входили Кульджа и Восточный Тянь-Шань, где путешественники встретились с местными ойратами (торгутами). В своей книге Н. М. Пржевальский отмечает, что монголы обыкновенно дают качественные имена озерам, рекам, горам и урочищам, и упоминает такие топонимы, как Текес, Кунгес, Цанма, Или и др. [Пржевальский 1947].

Известному монголоведу акад. Б. Я. Владимирцову не удалось достичь Синьцзяна и познакомиться с ойратами, проживающими

ми в данном регионе, но в своей работе он упоминает некоторые ойратские топонимы: «известно еще несколько групп ойратских племен, живущих в разных местах Азии, например, на Тянь-Шане, в области Кукунора, в Алашани и других местах... Только о некоторых из них можно сказать, что они говорят на одном из ойратских говоров, приближающемся к говору Торгут-Алт.; таковы говоры торгутов, кочующих на Кобук-сари и на Юлдусе, и говоры Алашаньских ойратов», а «о положении ойратского письменного языка у Карашарских ойратов, Куку-норских и других точных сведений нет» [Владимирцов 1929: 26].

Благодаря русским путешественникам, исследователям Китая и Монголии многие ойратские географические названия, хотя и переданы в отдельных случаях не совсем точно и корректно (например, Корл — Курля, Гулз — Кульджа), уже давно получили постоянную прописку и права гражданства в русскоязычной литературе (причем не только научной, но и художественной) и на географических картах.

К настоящему времени в монголистике накоплен достаточно объемный эмпирический материал топонимического характера, предлагаются новые подходы к трактовке топонимов. Различным аспектам изучения монголоязычных географических названий посвящены исследования российских, монгольских, казахских ученых (В. А. Казакевич [1934], Г. К. Конкашпаев [1959; 1984], Э. М. Мурзаев [1940], М. Н. Мельхеев [1969], Ц.-Д. Номинханов [1962], Х. Пэрлээ [1968], Ж. Цолоо [1992] и др.).

Существующая в настоящее время в калмыковедении обширная литература по данной проблематике также свидетельствует о повышенном интересе к вопросам калмыцкой топонимики [Борисенко 1983; Очир-Горяев 1980; 1983; Корсункиев 1987; Эрдниев 1993; Монраев 2006; Бадгаев, Омакаева 1989 и др.]. Основное внимание лингвистов было сосредоточено на принципах номинации географических объектов Калмыкии, структуре калмыцких топонимических единиц и способах их образования, географической терминологии в системе калмыцкой топонимии. В последнее десятилетие защищены две кандидатские диссертации по региональной топонимике [Хонинов 2003; Кичикова 2010].

Рассматривались монголистами и отдельные разряды топонимов. Так, напри-

мер, этимологии монгольских и бурятских гидронимов (Тола, Керулен, Орхон, Селенга, Ангара, Ока и др.) посвящены статьи Т. А. Бертагаева [Бертагаев 2010], В. И. Рассадина [Рассадин 2010] и др. Оронимы монгольского языка представлены в исследовании Ч. Догсурэна [Догсурэн 2010], названия гор Центральной Азии систематизированы А. П. Горбуновым [2006].

Географические названия Синьцзяна частично привлекались в работах географа Э. М. Мурзаева [1974; 1975; 2005], историка В. П. Санчирова [2011], лингвистов М. У. Монраева [1983; 1985; 2008], А. Б. Лиджиева [2011]. Но в целом ойратский топонимикон не являлся предметом комплексного исследования, практически нет работ общетеоретического и типологического характера, хотя необходимость в такого рода исследованиях назрела давно. Остаются нерешенными вопросы специфики имени собственного как лексической категории, семантики топонимов, топонимического пространства и топонимического поля, прецедентности имен собственных, топонимической лексикографии. Комплексный анализ имен собственных требует выработки единой методики их описания [Омакаева 1997].

Выделим два ареала ойратских географических наименований: первый ареал включает регионы, где сегодня компактно проживают потомки средневековых ойратов (например, Республика Калмыкия в России, СУАР в КНР), второй ареал представлен теми местностями, в которых в настоящее время ойраты (калмыки) не проживают (например, Казахстан, Сибирь, Дон и т. д.). Распространение топонимов ойратского (калмыцкого) происхождения за пределами этнической Калмыкии объясняется историческими контактами и миграциями племен и народов. Именно сохранившиеся географические названия свидетельствуют о пребывании этноса на данной территории: «Когда-то по берегам рек Южного Обдونها кочевали калмыки, доходя временами до Даниловки (об этом вспоминает уроженец этой слободы, писатель XIX в. Д. Л. Мордовцев) и даже до Поворина, если считать, что приток Калмычок назван по народу, побывавшему на нем» [Крюкова, Супрун 2004: 84].

Многие топонимические названия, зафиксированные в прошлые столетия, не изменились. Но различная транслитерация

одного и того же слова, миграции населения и новая интерпретация уже известных топонимов сегодня значительно осложняют их идентификацию, выявление этимологии и значения географических названий.

Хотелось бы также акцентировать внимание на несовершенстве кириллической транслитерации многих ойратских топонимов. Графическая форма топонима является более релевантной для его идентификации, «узнаваемости», чем звуковой облик. Между тем, некоторые наименования при передаче с одного языка на другой настолько искажаются, что это может привести и уже приводит к ошибочной трактовке при этимологизации. К примеру, на географических картах разные звуки *у* и *ө* в ойратских топонимах передаются на письме одной буквой *у*. И таких примеров много.

Стандартизация и унификация географических названий является важнейшим прикладным направлением современной топонимики. Проблема упорядочения топонимов давно уже обрела государственный масштаб, особенно это актуально для полиэтнических стран в связи с существованием двуязычных, а то и трехязычных (как в СУАР КНР) параллельных названий одного и того же объекта. Более того, сегодня проблемы стандартизации топонимии выходят уже за пределы внутригосударственной политики, поскольку национальные топонимы должны получать признание и правильное отражение в международных документах — договорах, соглашениях, справочниках, картографических и иных информационных материалах (регистры населенных пунктов, газетеры, топонимические базы данных и атласы), в связи с чем встает проблема передачи национальных топонимов в иноязычных источниках средствами латинского алфавита. Группа экспертов ООН по географическим названиям [UNGEGN] разработала ряд рекомендаций, в которых подчеркивается, что написание и правильное произношение географических названий должно опираться на лингвистические принципы, при этом географическому объекту причисляется одно географическое название, что особенно актуально для топонимического пространства Синьцзяна.

Топонимическое пространство современного Синьцзяна неоднородно и по своему происхождению, и по времени возникновения. Процесс формирования топонимической системы региона протекал в

несколько этапов. Первые географические названия, видимо, появились с началом заселения территории.

На топонимическом уровне в данном регионе прослеживается былое присутствие ираноязычного населения (река Кончедарья). Персидский пласт, видимо, самый древний, он начал складываться еще в дотюркский и домонгольский период. Территорию Южного Синьцзяна в древние времена населяли ираноязычные племена саков, затем последовала целая череда племен.

В IX в. здесь появляются уйгуры, а спустя четыре столетия приходят монголы. Второй сын Чингисхана Чагатай основал здесь свои владения, куда вошли районы к югу и северу от Тянь-Шаня и к востоку от реки Амударьи. В 70-х гг. XVII в. ойратское племя джунгар захватило бассейн Или и установило свое господство в регионе, создав Джунгарское ханство. За обширной территорией к северу от Тянь-Шаня закрепилось название «Джунгария» как исторический топоним.

Ойратские топонимы на территории Синьцзяна образуют хорошо очерченный ареал, что связано с историей заселения края. Следует заметить, что ойратов в Китае официально называют монголами, а тюркское население традиционно именует их калмаками, что нашло отражение в топонимии региона: ойконим Монгол-Кюря ‘Монгольский монастырь’ имеет вариант Калмак-Кюря (Калмакюре) ‘Калмыцкий монастырь’, именно он приведен в статье Э. М. Мурзаева «Топонимика Синьцзяна» [Мурзаев 1964: 288].

Особенности этнической истории территории обусловили наличие здесь разнообразных по языковой принадлежности топонимов: китайских, тюркских, иранских, монгольских (ойратских). Вообще тюркский слой, как и ойратский, в топонимии Синьцзяна характеризуется большой плотностью, повсеместно представлен и китайский пласт топонимов. Но и нередко случаи, когда компоненты топонима имеют разную языковую принадлежность. Примером такого гибридного топонима является лимноним *Бост-Нур* (кит. *Боху*), первый компонент которого предположительно персидского происхождения (*бостан* ‘сад’), а второй — общемонгольский географический термин *нур* ‘озеро’.

Данное озеро более известно под уйгурским названием Баграшкель, это самое

Монгол-Кюря. Храм «Богд евагч сүм»

крупное озеро Южного Синьцзяна. С северо-запада в него впадает река Хайдык-Гол, протекающая по центру Бост-Нур-шяня (уезда), на территории которого находится озеро. Уезд Бост-Нур, получивший свое название от лимнонима, граничит с соседним уездом Хошут (данный ойконом образовался от одноименного ойратского этнонима).

В юго-западной части озера берет начало река Кончедарья, которая протекает в

центре города Корла, находящегося в 57 км от Бост-Нура. Здесь построили прекрасную набережную, и теперь это излюбленное место отдыха и вечерних прогулок корлачан, что мы могли наблюдать будучи в Корле.

По форме озеро напоминает треугольник. Живописное озеро давно снискало себе славу «жемчужины Тянь-Шаня», в чем мы не преминули убедиться сами. Озеро Баграшкель поразило нас своей природной красотой.

Озеро Бост-Нур. Баянгол-Монгольский АО

Особого внимания заслуживают случаи калькирования и переосмысления субстратных названий. В связи с этим изучение топонимии Синьцзяна значительно осложняется наличием целого ряда параллельных названий одного и того же объекта.

Так, например, город *Гулз*, административный центр Или-Казахской автономной области СУАР, хорошо известный русскоязычному читателю как *Кульджа*, китайцы именуют *Инин* (Yining) — сокращенное обозначение по первой букве названия реки Или, на северном берегу которой он расположен. Как известно, город был в свое время центром владений Чагатая, сына Чин-

гисхана. В середине XIX столетия Кульджа получила известность как крупный торговый центр, соединяющий двух соседей — Россию и Китай.

Корпус собранных нами топонимов позволяет говорить о двух основных принципах номинации географических объектов: природном (по их физическим свойствам) и оценочном (по их роли в жизни человека).

Нами выделены лексико-семантические группы (далее — ЛСГ), в которые объединяются топонимы. Например, в ЛСГ «Наименования физического характера» зафиксировано 7 подгрупп: это названия, указывающие на размер объектов, их форму,

г. Кульджа, административный центр Или-Казахского АО

ландшафт и рельеф, характер почвы, гидрометрические свойства, колористическую характеристику, звуковые признаки. ЛСГ «аксиологические наименования объектов» включает 2 подгруппы: негативной и позитивной оценки объекта.

Топонимикон Синьцзяна отражает особенности уникальной культуры ойратов, своеобразие кочевого образа жизни, ландшафта, географических реалий, местной флоры и фауны. Об этом свидетельствуют фитогидронимы (*Модта-гол* 'Лесная река', *Бургуста-гол* 'Ивовая река', *Уласта-гол* 'Тополиная река'), зоогидронимы (*Арсланг-гол* 'Лев-река', *Эццн-Бух-гол* 'Тощий бык-река'), агиогидронимы (*Цаца-гол* 'Цаца-река', *Ова-гол* 'Ова-река') и др.

В составе названий рек и озер часто встречаются колоративы (*цаган* 'белый', *хар* 'черный', *улан* 'красный', *бор* 'серый') и другие ЛСГ прилагательных, например: *Байн-гол* 'Богатая река', *Хайдык-гол* 'Одинокая река' и т. д. Семантика цветовых топонимов порождает различные интерпретации [Суперанская 1970; Иванов 1981 и др.]. В частности, А. В. Суперанская пишет: «Цветовые названия встречаются слишком часто, для того чтобы быть случайными. В то же время набор их слишком беден для того, чтобы они могли отражать какие-либо реальные признаки объектов» [Суперанская 1970: 126]. Не вступая в полемику, отметим, что это тема отдельного исследования. Здесь же укажем, что цветообозначения могут входить в со-

став трехкомпонентных топонимов. В качестве примера приведем гидроним *Турген Цаган гол* 'Быстрая Белая река'.

Лимноним *Сайрам-Нур* (кит. *Selimu-hu*) — название крупного пресноводного высокогорного озера на западе Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, расположенного недалеко от казахстанской границы в горах Борохоро, в 114 км к юго-западу от озера Эби-Нур.

Это озеро имеет историческое значение. Здесь пролегал маршрут путешествия великого ойратского просветителя Зая-пандиты, описанный в «Биографии Зая-пандиты» его учеником Раднабхадрой [Раднабхадра 1999]. Сочинение является важным источником изучения ойратской топонимии. Синьцзянский историк проф. Ш. Норбо [1999] дал обстоятельный топонимический

комментарий в своей книге, получившей высокую оценку казахского ученого проф. Ж. О. Артыкбаева, пояснивший в своей работе [Артыкбаев 2005] некоторые названия, значение которых может быть понятно только при привлечении казахских историко-фольклорных материалов.

Хотелось бы обратить внимание на гидронимы, восходящие к словам с амбивалентной семантикой, что вызывает закономерные затруднения в интерпретации названия водного объекта, имеющего альтернативный топонимический смысл. Таков, например, ойратский апеллятив *төмөрлиг* 'железистый', который представлен в потапониме *Төмөрлиг*. Кстати, в русскоязычной литературе фигурирует и ороним Тюмюрлук. Возникает вопрос: на что указывает название реки — на наличие железа (железной

Гора Атан-уул

руды), твердый характер почвы, ржавчину на поверхности воды, присущий воде металлический привкус, труднопроходимость местности и т. п.

Следует отметить существование топонимов-дублетов, встречающихся на значительном удалении друг от друга, в том числе на территории разных государств. Например, монгольязычный гидроним *Цаган-Нур*, что значит 'Белое озеро', можно обнаружить как в России (в Калмыкии, Забайкальском крае), так и в Монголии и Китае.

Другой пример — ойконим-дублет Хошут (калм. *Хошуд*) — населенный пункт в Баянгол-Монгольском АО СУАР КНР, где нам удалось побывать во время экспедиции, и сельский населенный пункт в Октябрьском районе Калмыкии.

Собранный материал показывает, что ключевую роль в образовании ойратских топонимов играют географические термины (апеллятивы, обозначающие разновидность географической реалии). Если в русских географических названиях они остаются за пределами топонима, то в монгольских

Ова в местности Байн-Тоха недалеко от населенного пункта Бахлык

языках ситуация иная: соответствующий термин (гидрографический термин «река» — ойрат. *гол*, *мөрөн*, ус, перс. *дарья*, кит. *хэ*; орографический термин «гора» — ойрат. *уул*) входит в состав гидронима или оронима, поэтому названия гор, рек и озер неоднословны. Иными словами, если особенностью русской топонимии является суффиксация, то ойратской топонимии (шире — монгольской) присущи сложные топонимы, состоящие из индивидуализирующего компонента (ИС) и сопровождающего его апеллиатива — классифицирующего географического термина, указывающего на то, к какому типу географических объектов относится данное название: например, гидронимы Или-гол, Баян-гол, Кунгес-гол, Текес-гол, Тамһта-гол, Кончедарья, Бост-Нур (кит. Боху), Сайрам-Нур, Эви-Нур, Лоб-Нур и др., оронимы Тенгр-Уул 'Небо-гора' (Тянь-Шань), Хан-Уул 'Хан-гора', Атан-Уул 'Атан-гора', Богд-Уул 'Богдо-гора' и т. д.

Что касается названий населенных пунктов, то здесь картина несколько иная. Номенклатурный термин не входит в состав ойконима, поэтому среди них много однословных номинаций: *Өрөмч* (Урумчи), *Корла*

(Корла), *Нилх* (Нилх), *Жиң* (Джинг), *Толь* (Толи), *Аршан* (Аршан), *Хежжиң* (Хеджин) и т. д., хотя также встречаются двухкомпонентные названия (*Байн-Булаг*, *Боро-Тала*, *Хар-Усун*, *Ховог-Сайр*).

Ойконимы представляют собой наиболее динамичный разряд топонимической лексики: населенные пункты часто переименовываются, а могут и вообще исчезнуть. Ойконимия тесно связана с другими разрядами топонимии и онимической лексики в целом, поэтому ее изучение может помочь в объяснении значений онимов.

На территории СУАР КНР мы выделяем две основные лексико-семантические группы ойконимов: 1) названия населенных пунктов, образованные от имен собственных (этнонимов, гидронимов); 2) названия населенных пунктов, образованные от имен нарицательных. К первым относится большинство ойратских ойконимов. Так, например, топоним *Баркель* — это и озеро, и город. Если второй элемент топонима сомнений не вызывает (тюркский термин *озеро*), то происхождение первого компонента сложного топонима не ясно. У ойратов есть легенда, трактующая топоним на монгольской почве как *Барсин көл* 'Лапа тигра'. В прошлом в этой местности водились тигры, и на одной скале остался след лапы тигра. Отсюда и пошло название *Баркель*.

Приведем другой пример с топонимом *Нилх* 'Новорожденный'. Ойконим *Нилх* возник от потамонима. Река *Ар-Нилхин-гол*, доходящая до города Джинга, где мы побывали, берет начало на южном склоне горы *Булгун-Нур*.

Полевое исследование позволило выявить корпус ареальных типологических соответствий, связывающих топонимические пространства СУАР КНР и Республики Калмыкия РФ, а также ойратский язык и языки субстрата. Наибольшее межъязыковое сходство наблюдается в сфере географической терминологии и в некоторых других сферах топонимической номинации (физические свойства и оценка объектов, флора, фауна и др.). Обнаруживающиеся различия можно объяснить разной степенью продуктивности топонимических моделей и своеобразием номинативных средств каждого языка.

Рассмотренные топонимы представляют собой географические маркеры, зафиксировавшие в своей семантической структуре связь с пространственными объектами и со-

Улица в населенном пункте Геденг

циально-исторические этапы развития общества, репрезентируя базовые категории языковой картины мира — пространство и время — и эксплицируя тем самым важную этнокультурную информацию.

Процесс формирования ойратской ойконимии Синьцзяна был достаточно интенсивным, при этом иноязычные названия подверглись адаптации (Хар-Шар — Карашар, Зултс — Юлдуз).

Ойратские названия в основном относятся к рекам и озерам, а также к рельефу и в меньшей степени к поселениям, что можно объяснить кочевым образом жизни и особенностями быта ойратов в прошлом. На наш взгляд, гидронимы — лимнонимы (названия озер) и потамонимы (названия рек) — представляют ядро топонимического поля в языке ойратов Синьцзяна. И дело здесь не только в количественном факторе. Именно вокруг воды, возле рек всегда концентрировалась вся хозяйственно-экономическая и социокультурная жизнь сообщества. Наиболее значимым для ойратоязычной топонимической картины мира является обобщенный образ водного пространства, воплощенный в специализированных номинационных знаках — ландшафтных гидронимах, некоторые из которых, напри-

мер, река Или в Синьцзяне или река Волга (*Ижл хол*) в России на определенном этапе стали своего рода этническими символами.

С точки зрения структуры выявлены как однокомпонентные, так и многокомпонентные географические названия. В ойратской топонимии исследуемого ареала преобладают двухкомпонентные наименования, на втором месте — однокомпонентные топонимы, трех- и четырехкомпонентные названия немногочисленны. Первым компонентом выступают существительные или прилагательные, как аффиксальные, так и безаффиксальные. Первые оформляются аффиксом генитива *-ин*, вторые — аффиксом *-т* (*-та*), имеющим значение обладания чем-либо (*Хужрт-гол* ‘Солончаковая река’, *Хунт-Нур* ‘Лебяжье озеро’ в местности Байн-Булаг).

Необходимо отметить, что нам удалось в ходе экспедиции собрать и так называемые микропонимы, т. е. названия урочищ, колодцев, ключей и других объектов, известных лишь узкому кругу местных жителей. Все эти названия представляют для ономастики не меньший интерес, чем названия крупных географических объектов.

Переход топонимических исследований на новый (суб- и микрорегиональный) уро-

вень ясно обозначил четкие перспективы, связанные с реальной возможностью уже в ближайшем будущем представить детализированную топонимическую карту изучаемой территории.

Перспективность дальнейшей разработки темы обусловлена актуальностью типологического рассмотрения и научного осмысления зафиксированного нами в ходе экспедиции полевого материала.

А завершить статью хотелось бы словами замечательного ученого и путешествен-

ника Н. М. Пржевальского, которые очень созвучны нашим ощущениям, возникшим после экспедиции: «Грустное, тоскливое чувство всегда овладевает мной, лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе» [Пржевальский 1883: 364].

Местность Байн-Булаг в уезде Хэджин Байнгол-Монгольского АО

Полевые материалы автора

Амр, 32 года, олет (Монгол-Кюря), проживает в уезде Монгол-Кюря, СУАР, КНР.

Араа, 45 лет, торгут (Баянгол), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Бадмараа, 60 лет, торгут, керят (Баянгол), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Батбаяр, 40 лет, торгут (Хар-Усун), проживает в г. Урумчи, СУАР, КНР.

Ирнчя, 58 лет, торгут, ик цаатн (Баянгол), проживает в г. Урумчи, СУАР, КНР.

Лиджи, 47 лет, торгут (Баянгол), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Мёнкя, 49 лет, хошут (Хошут), проживает в г. Урумчи, СУАР, КНР.

Мидгя, 1945 г. р., хошутка, проживает в уезде Бост-Нур.

Утнасн, 44 года, торгутка (Хар-Усун), проживает в г. Элиста, РК, Россия.

Хаалга, 52 года, хошут (Бостнуур), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Литература

Андреев А. И. Русские письма из архива Свена Гедина в Стокгольме // Ариаварта. 1997. № 1. С. 29–76.

Артыкбаев Ж. О. Топонимические этюды по маршрутам Зая-пандиты // Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Докл. и сообщ. междунар. науч. семинара, 30 июня – 1 июля 2005 г. Казань: Алма Лит, 2005. С. 123–128.

Бадгаев Н. Б., Омакаева Э. У. О происхождении топонима Ессентуки // История и культура

- монголоязычных народов: источники и традиции. Междунар. "круглый стол" монголоведов. Улан-Удэ, БФ СО АН СССР, 1989. С. 92–93.
- Бартольд В. В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Том 2. Ч. 1. М.: Наука, 1963. 759 с.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 532 с.
- Бертагаев Т. А.* О монгольских и бурятских гидронимах // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 124–129.
- Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
- Борисенко И. В.* Топонимика Ергеней (дореволюционный период) // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 35–51.
- Бурыкин А. А.* Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб.: Петербург. Восток-е, 2006. 224 с.
- Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Издание Ленинградского Восточного института, 1929. 447 с.
- Волобуев В. И.* Некоторые итоги реконструкции карты И. Рената // Известия Национальной академии наук РК. Сер. общественных наук. 1993. № 6. С. 11–16.
- Горбунов А. П.* Горы Центральной Азии: Толковый словарь географических названий и терминов. Алматы: «Искандер», 2006. 128 с.
- Греков В. И.* Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 428 с.
- Десятая* Конференция Организации Объединенных Наций по стандартизации географических названий. Нью-Йорк, 31 июля — 9 августа 2012 года. Нью-Йорк: ООН, 2012. 35 с.
- Догсүрэн Ч.* Оронимические термины в современном монгольском языке // Монгольский лингвистический сборник. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 115–124.
- Иванов Вяч. Вс.* Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии // Балто-славянские исследования. 1980. М.: Наука, 1981. С. 163–177.
- Казакевич В. А.* Современная монгольская топонимика. Л.: АН СССР, 1934. 30 с.
- Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
- Конкашпаев Г. К.* Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. филол. и иск-я. Вып. I. Алма-Ата, 1956. С. 85–98.
- Конкашпаев Г. К.* Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста: Респ. тип-я Гос. комитета Калмыцкой АССР по делам изд-в, полиграфии и кн. торговли, 1984. С. 112–118.
- Контев А. В., Бородаев В. Б.* Верхнее Обь-Иртышье на ойратской карте Джунгарии первой трети XVIII века Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 5–11.
- Корсункиев Ц. К.* Топонимика Яшкульского района // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 57–72.
- Крюкова И. В., Супрун В. И.* К историко-лингвистическому изучению донской гидронимии // Вопросы ономастики. № 1. 2004. С. 75–85.
- Лиджиев А. Б.* Информативность и стереотипность ойратских и калмыцких топонимов // Гуманитарная наука Юга России: Международное и региональное взаимодействие. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сентября, 2011 г.). Часть I. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 113–115.
- Макишеев А. И.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год // Записки император. Рус. географ. о-ва по общей географии. Отделение географии математической и физической. Т. 11 / под ред. И. В. Мушкетова. СПб., 1886. С. 107–145.
- Мельхеев М. Н.* Топонимика Бурятии: История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 186 с.
- Моисеев В. А.* Новые материалы о Ренате // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур). Мат-лы II регион. конф., 26 октября 1999 г. Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 1999. С. 22–27.
- Монраев М. У.* Особенности топонимики Калмыкии // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3 (Спецвыпуск). С. 123–125.
- Монраев М. У., Монраева Э. М.* Топонимика Синьцзяна и Калмыкии в сравнительном освещении // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4. Ч. 2. С. 64–67.

- Мурзаев Э. М. Заметки о географических названиях монголов // Современная Монголия. 1940. № 4–6. С. 119–126.
- Мурзаев Э. М. Географическая семантика некоторых тюркских топонимов // Ономастика Поволжья: Мат-лы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск: Ин-т языкознания АН СССР, 1969. С. 101–104.
- Мурзаев Э. М. Топонимика Синьцзяна // Мурзаев Э. М. Очерки топонимики / Оформление художника В. П. Логинова; Ин-т географии АН СССР. М.: Мысль, 1974. 384 с. С. 269–302.
- Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 177 с.
- Номинханов Ц.-Д. Монгольские элементы в этнонимике и топонимике Узбекской ССР // Записки Калм. НИИЯЛИ. Вып. II. Элиста: КНИИЯЛИ, 1962. С. 150–157.
- Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописьм. монг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Омакаева Э. У. Насущные проблемы калмыцкой ономастики // Тезисы и доклады Междунар. научно-теоретической конф. “Банзаровские чтения-2”, посв. 175-летию Д. Банзарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.
- Очир-Горяев В. Э. Культ гор у монгольских народов // Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков. Элиста: КНИИИ-ФЭ, 1980. С. 135–143.
- Очир-Горяев В. Э. Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИ-ФЭ, 1983. С. 3–34.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. С. 215.
- Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во географ. лит-ры, 1947. 154 с.
- Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб.: Изд. Император. Рус. Географ. о-ва, 1883. [6], II, IV. 476 с.
- Пэрлээ Х. Монгол газрын түүхэн нэрийн нэгэн зүйл // Монгол орны газар зүйн асуудал. Улаанбаатар, 1968. № 8. Х. 146–153.
- Рассадин В. И. Система гидронимов бассейна р. Ока // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 41–49.
- Рассадин В. И., Михайлов Т. М. Исследования по топонимике Восточной Сибири // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1978. С. 108–117.
- Раднабхадра. Лунный свет. История рабдхам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи; перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслит. текста, предисл., примеч. и указ. А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербург. Востоковед., 1999. 176 с.
- Санчиров В. П. К изучению топонимики ойратов и калмыков (XVII–XVIII вв.) // Новый исторический вестник. Специальный выпуск «Сибирские чтения в РГГУ». № 3 (29). 2011. [электронный ресурс] / URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-izucheniye-toponimiki-oyratov-i-kalmykov-xvii-xviii-vv> (дата обращения: 12.01.2013).
- Суперанская А. В. Терминологичны ли цветовые названия рек? // Местные географические термины. М.: Мысль, 1970. С. 126–127.
- Цолоо Ж. Сравнительное исследование диалектной лексики монгольского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1992. 36 с.
- Шагдаров Л. Д. К принципам унификации слов и названий из восточных языков при передаче их на русском языке // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1976. С. 93–110.
- Эрдниева У. Э. Топонимика Калмыкии // Историческая судьба калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. С. 58–79.
- Baddeley John F. The Renats maps // Baddeley John F. Russia, Mongolia, China being some record of the relations between them from the beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602–1676. Vol. I–II. London: Macmillan, 1919. 446 p.
- Hedin Sven. Southern Tibet: Discoveries in Former Times compared with my own researches in 1906–908. Vol. 1. Stockholm, 1917. P. 258–259.
- Poppe N. Renat's Kalmuck maps // Imago Mundi: The International Journal for the History of Cartography. Vol. 12 (1955). Stockholm; Leiden, 1956. P. 157.